

Оперативное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность
(специализация Оперативно-розыскная деятельность, профиль образовательной программы – Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотиков),
очная форма обучения, набор 2021 года

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

«Изъятие предметов и документов до возбуждения уголовного дела:
проблемные аспекты»

Выполнил:

Слушатель учебной группы

П2101-КОН

младший лейтенант

полиции

(№ учебной группы, специальное звание)

Лапа Александр Александрович

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель

Доцент кафедры уголовного

процесса

(должность)

Овсянников Юрий Васильевич

(фамилия, имя, отчество)

Дата защиты:

11 июне 2026 г.

Оценка:

удовлетворительно

Председатель ГЭК

Валюкович Николай
(специальное звание)

(подпись)

А.В. Волгуев
(инициалы, фамилия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	6
1.1. Понятие и сущность изъятия предметов и документов как процессуального действия в стадии возбуждения уголовного дела.....	7
1.2. Эволюция нормативно-правового регулирования изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела.....	12
1.3. Действующее законодательство, регламентирующее изъятие предметов и документов в рамках доследственной проверки.....	16
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	22
2.1. Пределы полномочий должностных лиц при изъятии предметов и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении.....	25
2.2. Судебная практика и проблемы допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения уголовного дела.....	30
2.3. Проблемы обеспечения прав и законных интересов граждан при изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела и пути совершенствования законодательства.....	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно воспринимается как один из наиболее проблемных этапов уголовного судопроизводства, поскольку именно на ней начинается формирование доказательственной базы — производятся сбор, документальное оформление и последующее исследование материальных объектов, имеющих значение для установления обстоятельств преступления. Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ в часть первую статьи 144 УПК РФ были внесены существенные изменения, предоставившие дознавателю, органу дознания, следователю и руководителю следственного органа право истребовать и изымать предметы и документы в ходе проверки сообщения о преступлении.¹ Данная новелла, призванная легализовать полученные в ходе доследственной проверки сведения, на практике породила множество процессуальных нарушений и дополнительных вопросов в правоприменении.

Сложность ситуации усугубляется отсутствием в уголовно-процессуальном законе специальных норм, регламентирующих процедуру изъятия предметов и документов именно на стадии возбуждения уголовного дела. Указание законодателя на то, что изъятие должно производиться в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактически поставило перед правоприменителем трудноразрешимую задачу, поскольку в законе отсутствует чёткая регламентация порядка изъятия и приобщения соответствующих объектов к материалам проверки. В результате на практике получили распространение такие негативные явления, как подмена осмотром места происшествия следственных действий, специально предназначенных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в действ. ред.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для изъятия¹, проведение фактических выемок до возбуждения уголовного дела и иное расширительное толкование процессуальных норм, создающее предпосылки для нарушения прав граждан. Таким образом, избранная тема обладает высокой степенью актуальности как в теоретическом, так и в практическом аспектах, что обусловлено необходимостью комплексного исследования правовой природы изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, выявления существующих пробелов законодательного регулирования и выработки научно обоснованных предложений по их устранению.

Объект исследования образуют общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц при производстве изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела. В качестве предмета исследования выступают нормы действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие основания, условия и порядок изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела, теоретические положения науки уголовного процесса по данной проблематике, а также материалы судебной и следственной практики.

Основная цель работы заключается в комплексном анализе правовой природы и нормативного регулирования изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, выявлении проблемных аспектов соответствующей правоприменительной деятельности и разработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Для достижения указанной цели требуется решить ряд взаимосвязанных исследовательских задач: рассмотреть теоретические подходы к определению понятия «изъятие», выявить его правовую природу и место в системе средств проверки сообщения о преступлении; проанализировать соотношение изъятия со смежными следственными

¹ Юркевич М.А. Основания исключить доказательства, которые можно найти почти в каждом деле // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 54–59.

действиями, такими как осмотр места происшествия, выемка и обыск, а также исследовать проблему расширительного толкования их процессуальных функций; проследить эволюцию нормативно-правового регулирования изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела в отечественном законодательстве; дать оценку действующему нормативному материалу, регламентирующему изъятие в рамках доследственной проверки, и выявить существующие пробелы правового регулирования; исследовать пределы полномочий должностных лиц при производстве изъятия до возбуждения уголовного дела; проанализировать судебную практику, включая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции, по вопросам допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения дела; рассмотреть проблемы обеспечения прав и законных интересов граждан при производстве изъятия на стадии доследственной проверки и сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция и системный подход, а также частнонаучные методы, применяемые в юридической науке: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и метод правового моделирования. Использование указанных методов в их сочетании позволяет обеспечить всесторонность, полноту и объективность проведённого исследования.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Она включает введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и список использованной литературы. Первая глава посвящена правовой природе и нормативному регулированию изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, а вторая — проблемным аспектам такого изъятия и путям их решения.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исследование правовой природы и нормативного регулирования изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела требует последовательного обращения к нескольким взаимосвязанным теоретико-правовым аспектам, которые и задают логику изложения материала в настоящей главе.

Отправной точкой анализа становится понятие и сущность изъятия как процессуального действия. Здесь в центре внимания оказываются сложившиеся в уголовно-процессуальной доктрине взгляды на саму категорию «изъятие», его место в системе средств проверки сообщения о преступлении и соотношение с такими смежными следственными действиями, как осмотр места происшествия, выемка и обыск. В науке и правоприменительной практике нередко отмечается, что существующее положение вещей создаёт почву для расширительного толкования процессуальных функций обыска и выемки, которые не требуют предварительного судебного разрешения. Подобное толкование, в свою очередь, открывает возможности для фактической подмены одного действия другим, что порождает риск нарушения конституционных прав граждан.

Далее работа обращается к историческому контексту, позволяющему проследить эволюцию нормативного регулирования изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела. Отправляясь от положений УПК РСФСР 1960 года, который вовсе не предусматривал возможности совершения подобных действий на этапе доследственной проверки, анализ подводит к тем кардинальным изменениям, которые были внесены Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ.¹ Именно этим законом

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта

в часть первую статьи 144 УПК РФ было включено прямое дозволение истребовать и изымать предметы и документы в ходе проверки сообщения о преступлении. Изучение данного законодательного решения в его историческом развитии позволяет глубже понять как мотивы законодателя, так и корни многих современных трудностей правоприменительного характера.

Завершающая часть главы посвящена анализу действующего нормативного материала, который регламентирует изъятие предметов и документов в рамках доследственной проверки. Основное внимание здесь уделяется системному толкованию положений части первой статьи 144, статей 176–177 и статьи 183 УПК РФ, а главной целью становится выявление существующих пробелов правового регулирования. Ключевым среди них выступает отсутствие в уголовно-процессуальном законе специальных норм, которые бы детально регламентировали процедуру изъятия объектов именно на стадии возбуждения уголовного дела, а также связанная с этим проблема надлежащего процессуального оформления полученных результатов. Созданный таким образом теоретический фундамент служит основой для последующего рассмотрения проблемных аспектов правоприменительной практики, чему и будет посвящена вторая глава настоящей работы.

§1.1. Понятие и сущность изъятия предметов и документов как процессуального действия в стадии возбуждения уголовного дела

В рамках данного параграфа представляется необходимым обратиться к теоретическим основам, раскрывающим понятие, правовую природу и сущность изъятия предметов и документов на стадии возбуждения

уголовного дела, а также определить его место в системе процессуальных средств проверки сообщения о преступлении.

В уголовно-процессуальной доктрине под изъятием традиционно понимается процессуальное действие, направленное на принудительное или добровольное отчуждение у физических либо юридических лиц предметов и документов, имеющих значение для установления обстоятельств совершенного или готовящегося преступления. Однако применительно к стадии возбуждения уголовного дела данное определение приобретает особую специфику, обусловленную самой природой этого этапа судопроизводства — его задачами, ограниченным кругом участников и усеченным набором процессуальных средств, которые могут быть использованы правоприменителем. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела всегда воспринимались как остроактуальные и уголовным процессом, и криминалистикой, поскольку именно на этой стадии начинается формирование доказательственной базы — происходят сбор, документальное оформление и ¹последующее исследование материальных объектов, как изымаемых в ходе следственных действий, так и получаемых в ходе других мероприятий.

Следует отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон не устанавливает такого самостоятельного следственного действия, как изъятие.² Данное обстоятельство порождает в науке обоснованные споры относительно правовой природы рассматриваемого института. Ряд исследователей полагает, что изъятие предметов и документов на этапе проверки сообщения о преступлении является объективной необходимостью, в связи с чем допустимо представить его как самостоятельное процессуальное действие, проводимое на стадии возбуждения уголовного

¹ Александров А.И., Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Изъятие предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела: основания, проблемы и пути их решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 116–123.

² Левинова Т.А. Изъятие документов и предметов до возбуждения уголовного дела в кривом зеркале законодательной регламентации // *Ius publicum et privatum*. – 2021. – № 2 (12). – С. 111–116.

дела наряду с истребованием и представлением. Другие авторы, напротив, исходят из того, что изъятие не может рассматриваться как самостоятельная процессуальная категория, а представляет собой лишь составной элемент таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка, каждое из которых имеет собственные цели, основания и процессуальную форму.

Действительно, для изъятия предметов уголовно-процессуальный кодекс предусматривает специальные следственные действия — обыск и выемку. Целью обыска в соответствии с законом является обнаружение и изъятие предметов, имеющих значение для уголовного дела, в то время как к целям осмотра места происшествия относятся обнаружение следов преступления, их фиксация и лишь при необходимости — изъятие. Выемка же проводится с целью изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, когда точно известно место их хранения. Таким образом, каждое из названных следственных действий обладает собственной целевой направленностью, что предопределяет и различный объем допустимых к применению процессуальных средств.

Между тем на практике нередко возникает проблема разграничения указанных следственных действий, особенно в тех случаях, когда они производятся на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. Как отмечается в научной литературе, в следственной практике получили широкое распространение случаи производства обыска и выемки до возбуждения уголовного дела.¹ Подобная практика противоречит действующему уголовно-процессуальному закону, поскольку согласно статье 156 УПК РФ предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а в содержание расследования входит производство следственных действий.² Из общего правила о недопустимости

¹ Калиновский К.Б. «Доследственный» обыск — незаконное ноу-хау // Уголовный процесс. — 2015. — № 1. — С. 9.

² Калиновский К.Б. «Доследственный» обыск — незаконное ноу-хау // Уголовный процесс. — 2015. — № 1. — С. 9.

проведения следственных действий в ходе проверки сообщений о преступлениях статья 144 УПК РФ предусматривает лишь несколько исключений, среди которых производство экспертизы и осмотр места происшествия. Выемка предметов дознавателем возможна лишь в рамках возбужденного уголовного дела, а обыск — тем более, учитывая его ярко выраженный принудительный характер и необходимость получения судебного разрешения для его производства в жилище.

Наиболее острой в контексте рассматриваемой проблематики представляется проблема так называемого расширительного толкования процессуальных функций обыска и выемки, не требующих судебного разрешения, что создаёт предпосылки для подмены одного следственного действия другим. Как справедливо отмечается в литературе, в практикоориентированной сфере сложились безграничные возможности расширительного толкования за счет использования в механизме изъятия на стадии возбуждения уголовного дела процессуальных функций обыска и выемки.¹ Иными словами, правоприменители, формально производя осмотр места происшествия — следственное действие, допустимое до возбуждения уголовного дела, — фактически осуществляют обысковые мероприятия, включающие поиск предметов в закрытых хранилищах, вскрытие помещений и иные действия, выходящие за пределы визуального наблюдения, составляющего сущность осмотра.

Сущность осмотра места происшествия заключается в том, что следователь или дознаватель визуально наблюдает материальные объекты, имеющие значение для дела, а затем фиксирует их признаки² в протоколе. Осмотр предполагает, что следователь непосредственно воспринимает обстановку места происшествия без осуществления поисковых действий.

¹ Пильников С.Г. Непозволительность расширительного толкования способов изъятия документов и предметов в ходе проведения проверки сообщения о преступлении // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2024. — URL: <http://e-koncept.ru/2024/0.htm> (дата обращения: 01.05.2026).

² Юркевич М.А. Основания исключить доказательства, которые можно найти почти в каждом деле // Уголовный процесс. — 2016. — № 8. — С. 54–59.

Самое распространенное нарушение при производстве осмотра места происшествия — подмена его обыском в жилище.¹ В современной следственной практике можно встретить множество случаев подмены, а фактически — маскировки обысков осмотрами мест происшествия.² Подобная подмена влечет за собой не только нарушение процессуальной формы, но и ущемление конституционных прав граждан, поскольку при осмотре места происшествия, в отличие от обыска, не требуется судебное решение, а лицу, в помещении которого проводится осмотр, не разъясняется право на добровольную выдачу предметов, право на адвоката и иные процессуальные гарантии.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 5 марта 2014 года № 518-О сформулировал принципиально важную правовую позицию, указав, что изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов,³ имеющих значение для уголовного дела, осмотр которых на месте затруднен или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения, — в частности, обыск, выемку, наложение ареста на имущество.⁴ Тем самым высший орган конституционного контроля четко обозначил пределы допустимого изъятия в рамках осмотра места происшествия, поставив барьер на пути расширительного толкования соответствующих норм.

¹ Юркевич М.А. Основания исключить доказательства, которые можно найти почти в каждом деле // Уголовный процесс. — 2016. — № 8. — С. 54–59.

² Подмена обыска осмотром места происшествия // КонсультантПлюс: подборка документов. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/podmena_obyska_osmotrom_mesta_proisshestviy_a/ (дата обращения: 01.05.2026).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 518-О [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Калиновский К.Б. Изъятие предметов на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. — 2014. — № 5. — С. 9.

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что изъятие предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой процессуальное действие, правовая природа которого остается предметом научной дискуссии. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе самостоятельного следственного действия, именуемого «изъятием», порождает как теоретические споры, так и практические затруднения, выражающиеся в подмене обыска и выемки осмотром места происшествия. Дальнейший анализ эволюции нормативного регулирования данного института позволит глубже понять истоки сложившейся ситуации и оценить перспективы ее разрешения.

§1.2. Эволюция нормативно-правового регулирования изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела

Обращение к истории развития отечественного уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, позволяет не только проследить логику законодательных преобразований, но и глубже понять истоки тех проблем, с которыми сталкивается современный правоприменитель. Эволюция соответствующих норм демонстрирует постепенное, хотя и не всегда последовательное, расширение процессуальных возможностей должностных лиц на этапе доследственной проверки.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, являвшийся основой отечественного уголовного судопроизводства на протяжении более чем четырёх десятилетий, исходил из принципиально иной модели соотношения стадии возбуждения уголовного дела и процессуальных действий, связанных с изъятием. В первоначальной редакции УПК РСФСР

стадия возбуждения уголовного дела регулировалась весьма лаконично и не предусматривала возможности производства каких-либо действий, направленных на принудительное изъятие предметов и документов. Статья 109 УПК РСФСР, регламентирующая порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, содержала лишь указание на возможность истребования необходимых материалов, однако оставляла без детальной регламентации как саму процедуру такого истребования, так и способы фиксации его результатов. Между тем УПК РСФСР детально регулировал такие следственные действия, как выемка (статья 167) и обыск (статья 168), которые, однако, могли производиться исключительно после возбуждения уголовного дела, что прямо следовало из системного толкования норм кодекса.

Как справедливо отмечается в научной литературе, уже в первые два десятилетия действия УПК РСФСР 1960 года проявились практически все проблемные ситуации, связанные с действиями, в конструкцию которых в качестве одного из элементов входит изъятие — самый распространённый, наряду с получением показаний, способ формирования доказательств. Правоприменительная практика того периода наглядно демонстрировала потребность в расширении инструментария, доступного должностным лицам на этапе проверки сообщения о преступлении, однако законодатель долгое время воздерживался от внесения соответствующих изменений, опасаясь, по всей видимости, необоснованного вторжения в сферу конституционных прав граждан.

Определённый импульс к переосмыслению роли и содержания стадии возбуждения уголовного дела придала Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года. Данная концепция, заложившая идеологические основы будущего уголовно-процессуального законодательства, содержала предложения, направленные на усиление гарантий прав личности в уголовном процессе, что, казалось бы, должно было ограничить, а не расширить возможности применения

принудительных мер на ранних этапах производства. Однако парадоксальным образом последующее развитие законодательства пошло по пути расширения полномочий органов предварительного расследования именно на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, что объяснялось практическими потребностями борьбы с преступностью.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года ознаменовало новый этап в регулировании рассматриваемых отношений. Первоначальная редакция части 1 статьи 144 УПК РФ, определявшая порядок рассмотрения сообщения о преступлении, предоставляла дознавателю, органу дознания, следователю и прокурору право требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Однако возможность изъятия предметов и документов на данной стадии по-прежнему не была прямо предусмотрена законом. В науке и правоприменительной практике это порождало острую дискуссию: ряд исследователей и практических работников настаивали на необходимости легализации изъятия, другие же указывали на недопустимость расширения принудительных полномочий до формального начала производства по делу. Сформировавшаяся правовая неопределённость создавала предпосылки для произвольного толкования норм и, как следствие, для нарушений прав граждан.

Принципиально важным этапом в развитии нормативного регулирования изъятия предметов и документов на стадии доследственной проверки стало принятие Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом часть 1 статьи 144 УПК РФ была дополнена прямым указанием на право дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа истребовать и изымать предметы и документы в ходе проверки сообщения о преступлении. Как отмечается в литературе, законодатель, наряду с включением в часть 1 статьи 144 УПК РФ

новых следственных действий, предусмотрел такой способ собирания сведений на стадии возбуждения уголовного дела, как истребование предметов и документов, а изъятие получило легальное закрепление в качестве самостоятельного процессуального инструмента.

Принятие указанного закона было обусловлено объективными потребностями правоприменительной практики. Во многих случаях, особенно когда речь идёт о преступлениях экономической направленности, возникает необходимость в получении документов, касающихся хозяйственной деятельности организации, и доследственная проверка не может обойтись без приобщения таких документов по инициативе должностных лиц правоохранительных органов¹. Вместе с тем законодатель, включив в часть 1 статьи 144 УПК РФ положение о праве изымать предметы и документы, сопроводил его весьма лаконичной формулировкой: «в порядке, установленном настоящим Кодексом», что при отсутствии в УПК РФ специальной процедуры изъятия именно на стадии возбуждения уголовного дела породило новые вопросы и не разрешило прежних противоречий.

Конституционный Суд Российской Федерации, к которому неоднократно обращались заявители с жалобами на неопределённость положений части 1 статьи 144 УПК РФ, сформулировал ряд принципиальных правовых позиций. В определении от 22 декабря 2015 года № 2885-О была рассмотрена жалоба гражданки, которая полагала, что оспариваемая норма в силу своей неопределённости позволяет производить выемку предметов и документов в порядке статей 182 и 183 УПК РФ до принятия решения о возбуждении уголовного дела и использовать полученные таким образом предметы и документы в качестве доказательств.² Данная проблема остаётся

¹ Самсонова Ж.В. Истребование и изъятие предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник материалов конференции. – Омск, 2017. – С. 73–78.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

предметом научной дискуссии, а её практическое разрешение существенно различается в зависимости от конкретных обстоятельств дела и позиции, занимаемой правоприменителем.

Последующие изменения уголовно-процессуального законодательства, включая корректировку редакции статьи 144 УПК РФ, не внесли принципиальной ясности в регламентацию процедуры изъятия на стадии доследственной проверки. Проблема отсутствия в УПК РФ специальных норм, детально регламентирующих основания, условия, порядок производства и процессуального оформления изъятия предметов и документов именно до возбуждения уголовного дела, сохраняется и поныне, что предопределяет необходимость её дальнейшего доктринального осмысления и анализа в последующих разделах настоящей работы.

Подводя итог историко-правовому обзору, следует отметить, что эволюция нормативного регулирования изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению процессуальных полномочий должностных лиц на данном этапе, которая, однако, не сопровождалась созданием адекватных процессуальных гарантий и детальной регламентацией соответствующих процедур. Данное обстоятельство во многом предопределило тот круг проблем, которые будут рассмотрены во второй главе настоящего исследования.

§1.3. Действующее законодательство, регламентирующее изъятие предметов и документов в рамках доследственной проверки

Обращаясь к анализу современного нормативного материала, нельзя не заметить, что центральное место в регламентации изъятия предметов и документов на этапе, предшествующем возбуждению уголовного дела,

занимает часть первая статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Именно эта норма, дополненная в 2013 году, предоставила дознавателю, органу дознания, следователю и руководителю следственного органа право при проверке сообщения о преступлении «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Казалось бы, законодатель выразил свою волю достаточно определённо, однако содержание данной нормы, по меткому замечанию одного из исследователей, «не вполне понятно правоприменителю»¹, поскольку остаётся открытым вопрос о том, какой именно порядок изъятия имеется в виду и какими процессуальными средствами он может быть реализован до формального начала предварительного расследования.

Сложность толкования приведённого законоположения усугубляется тем, что Уголовно-процессуальный кодекс не знает самостоятельного следственного действия под названием «изъятие». Как справедливо отмечается в научной литературе, «закон не устанавливает такого самостоятельного следственного действия, как изъятие», а сама эта категория исторически рассматривалась либо как составной элемент других процессуальных действий, либо как обобщённое наименование их результата. В действующем правовом поле изъятие может производиться в рамках осмотра места происшествия (статьи 176–177 УПК РФ), выемки (статья 183 УПК РФ) либо обыска (статьи 182, 184 УПК РФ), однако возможность применения каждого из этих инструментов на стадии доследственной проверки вызывает серьёзные сомнения и требует специального рассмотрения.

Осмотр места происшествия, регламентированный статьями 176 и 177 УПК РФ, является едва ли не единственным следственным действием, допустимость которого до возбуждения уголовного дела не оспаривается ни

¹ Калиновский К.Б. Изъятие предметов на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. – 2014. – № 5. – С. 9.

наукой, ни практикой. Согласно части второй статьи 176 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведён до возбуждения уголовного дела. В ходе такого осмотра закон допускает изъятие обнаруженных следов преступления и иных предметов, однако лишь при условии, что их осмотр на месте затруднён или требует продолжительного времени, а сами изымаемые объекты имеют непосредственное отношение к проверяемому событию. Часть вторая статьи 177 УПК РФ прямо указывает, что «осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия», и только в виде исключения допускает изъятие, когда для детального изучения объекта требуются особые условия.

Между тем практика пошла по иному пути, существенно раздвинув границы дозволенного. Как показывают эмпирические данные, суды с завидным постоянством признают допустимыми доказательствами предметы, «которые изымаются путём осмотра места происшествия, проведённого в порядке статьи 144 УПК РФ, несмотря на то что фактически никакого осмотра не было, а его процессуальное оформление использовалось для изъятия вещдоков». Иными словами, протокол осмотра места происшествия нередко превращается в ширму, за которой скрывается самое настоящее обысковое мероприятие, проведённое без судебного решения и без предоставления лицу элементарных процессуальных гарантий. В науке это явление получило наименование «доследственного обыска» — незаконного, но, к сожалению, широко распространённого ноу-хау отечественной правоохранительной практики.

Что касается выемки, то статья 183 УПК РФ, определяющая её основания и порядок, не оставляет сомнений в том, что данное следственное действие рассчитано на применение в рамках уже возбуждённого уголовного дела. Выемка предметов и документов, когда точно известно, где и у кого они находятся, по своей правовой конструкции предполагает наличие процессуального статуса у лица, у которого производится изъятие, а также

возможность применения мер принуждения, не совместимых с правовым режимом стадии доследственной проверки. Как прямо разъясняется в правоприменительных документах, «в силу части 1 статьи 183 УПК РФ выемка предметов дознавателем возможна лишь в рамках возбуждённого уголовного дела»¹. Тем не менее на практике выемка нередко подменяется осмотром места происшествия либо иными проверочными действиями, что создаёт иллюзию законности там, где её в действительности нет.

Обыск, урегулированный статьями 182 и 184 УПК РФ, тем более не может производиться до возбуждения уголовного дела, поскольку его принудительный характер и необходимость получения судебного решения для проникновения в жилище предполагают наличие полноценного уголовно-процессуального производства. В связи с этим особую тревогу вызывает распространённая практика подмены обыска осмотром места происшествия, когда должностные лица, формально ссылаясь на статью 176 УПК РФ, фактически осуществляют поисковые действия в закрытых помещениях и хранилищах, вскрывают запертые двери и изымают предметы, которые невозможно было бы обнаружить при визуальном наблюдении, составляющем сущность осмотра. В наиболее откровенных случаях оформляется даже не протокол осмотра, а «акт личного досмотра гражданина», который суды впоследствии признают допустимым доказательством со ссылкой на ту же часть первую статьи 144 УПК РФ.

Помимо проблемы разграничения следственных действий, действующее регулирование обнаруживает и иные, не менее существенные изъяны. Одним из них является отсутствие в уголовно-процессуальном законе специальных норм, которые регламентировали бы процедуру изъятия предметов и документов именно на стадии возбуждения уголовного дела. В научных публикациях вполне обоснованно «акцентируется внимание на

¹ О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. – URL: <http://taldom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

отсутствие правовых норм, допускающих возможность проведения изъятия каких-либо объектов у лиц на стадии возбуждения уголовного дела». Указание законодателя на то, что изъятие должно производиться «в порядке, установленном настоящим Кодексом», при отсутствии самого этого порядка превращается, по сути, в фикцию, оставляющую правоприменителя один на один с неразрешимой дилеммой: либо отказаться от изъятия, рискуя утратить доказательственное значение соответствующих объектов, либо осуществить его с нарушением процессуальной формы, рискуя тем, что впоследствии полученные результаты будут признаны недопустимыми.

Не меньшего внимания заслуживает проблема процессуального оформления результатов изъятия, произведённого на стадии доследственной проверки. Если изъятие осуществляется в рамках осмотра места происшествия, его результаты фиксируются в протоколе данного следственного действия, что в целом соответствует требованиям закона. Однако в тех случаях, когда предметы и документы изымаются вне связи с осмотром — например, путём направления запроса или фактической выемки, — возникает вопрос о том, каким процессуальным документом должно оформляться такое изъятие. Отдельные авторы предлагают внести изменения в часть первую статьи 144 УПК РФ, предусмотрев составление протокола изъятия предметов и документов в соответствии с требованиями статей 164 и 166 УПК РФ, с предъявлением лицу, у которого они изымаются, соответствующего запроса следователя и направлением этому лицу копии протокола. Данное предложение, безусловно, заслуживает внимания, однако его реализация требует системного пересмотра ряда смежных процессуальных институтов.

Следует также отметить, что, несмотря на вносимые в статью 144 УПК РФ изменения, коренные проблемы досудебного производства в рассматриваемой части сохраняются. Правовая неопределённость, порождаемая лаконичностью законодательных формулировок, усугубляется отсутствием единообразной правоприменительной практики и

противоречивостью доктринальных позиций. Как образно выразился один из исследователей, в практико-ориентированной сфере сложились «безграничные возможности расширительного толкования за счёт использования в механизме изъятия на стадии возбуждения уголовного дела процессуальных функций обыска и выемки, не требующих судебного разрешения». Подобное положение дел едва ли может быть признано удовлетворительным с точки зрения конституционных гарантий прав личности и принципа законности уголовного судопроизводства.

Таким образом, действующее законодательство, регламентирующее изъятие предметов и документов в рамках доследственной проверки, характеризуется фрагментарностью, внутренней противоречивостью и отсутствием чётких процессуальных механизмов, что создаёт благоприятную почву для произвольного усмотрения правоприменителя и, как следствие, для нарушений прав и законных интересов граждан. Выявленные пробелы и коллизии настоятельно требуют как теоретического осмысления, так и практических шагов по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования, чему в значительной степени будут посвящены последующие разделы настоящей работы.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Если первая глава была посвящена теоретическим и нормативным основам, то вторая закономерно обращается к практической стороне проблемы — к тем трудностям, которые возникают при реализации законодательных предписаний, и к поиску возможных путей их преодоления. Анализ правоприменительной практики, доктринальных источников и судебных решений убеждает в том, что именно на этапе доследственной проверки концентрируются наиболее острые противоречия между публичным интересом в быстром и эффективном собирании доказательств и необходимостью соблюдения конституционных гарантий прав личности. Исследование проблемных аспектов изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела требует последовательного рассмотрения трёх ключевых блоков вопросов, образующих логическую структуру настоящей главы.

Первый из этих блоков связан с пределами полномочий должностных лиц, осуществляющих изъятие на этапе рассмотрения сообщения о преступлении. Действующее законодательство предоставляет дознавателю, следователю и руководителю следственного органа весьма широкий инструментарий, однако границы допустимого усмотрения остаются размытыми, что создаёт благоприятную почву для злоупотреблений. Как показывает анализ нормативного материала, изъятие предметов допускается лишь в случае, если для их осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднён¹, при этом изъятие в рамках осмотра места происшествия не предполагает произвольного определения судьбы изъятых

¹ О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. — URL: <http://taldom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

объектов должностным лицом. Между тем на практике получили распространение случаи производства обыска и выемки до возбуждения уголовного дела, причём некоторые правоприменители и даже отдельные учёные полагают такую практику допустимой, ссылаясь на то, что в тексте закона нигде прямо не сказано о необходимости возбуждения дела для проведения следственных действий. Подобное расширительное толкование неизбежно влечёт за собой подмену одних процессуальных действий другими, что требует детального разбора в рамках настоящей работы.

Второй блок проблем, неразрывно связанный с первым, касается судебной практики и вопросов допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения уголовного дела. Здесь особого внимания заслуживают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который последовательно проводит линию на недопустимость подмены одних процессуальных действий другими. В определении от 5 марта 2014 года № 518-О высший орган конституционного контроля прямо указал, что изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия предметов и документов не может подменять собой следственные действия, для которых установлены специальная процедура и иные основания проведения, — в частности, обыск, выемку или наложение ареста на имущество. Вместе с тем практика кассационных судов общей юрисдикции демонстрирует неоднозначный подход к разрешению споров о допустимости доказательств, полученных с нарушениями процессуальной формы. В одних случаях суды признают такие доказательства недопустимыми, усматривая в действиях должностных лиц прямое нарушение закона; в других — исходят из того, что сами по себе действия по осмотру и изъятию предметов не образуют предмета судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ, что существенно ограничивает возможности заинтересованных лиц по защите своих прав.

Наконец, третий блок посвящён проблемам обеспечения прав и законных интересов граждан, у которых производится изъятие предметов и

документов на стадии доследственной проверки. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что лица, не обладающие формальным процессуальным статусом, зачастую оказываются лишёнными эффективных средств правовой защиты. Изъятые у них предметы и документы могут удерживаться неопределённо долгое время без признания вещественными доказательствами и без реальной возможности требовать их возврата. Лишь недавно, постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 года № 1589, были утверждены Правила учёта и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами предметов и документов, однако этот шаг, при всей его значимости, не исчерпывает всего комплекса проблем.¹ Отдельного анализа требует и вопрос об изъятии документов, содержащих охраняемую законом коммерческую тайну, который в отсутствие чёткого законодательного регулирования порождает диаметрально противоположные подходы в правоприменительной практике. Одни суды исходят из необходимости получения судебного решения для доступа к конфиденциальной информации, другие же полагают, что формальное отсутствие на предприятии утверждённого режима коммерческой тайны снимает все ограничения на изъятие соответствующей документации.

Таким образом, вторая глава призвана на основе анализа эмпирического материала и судебной практики выявить коренные причины сложившихся проблем и наметить конкретные направления совершенствования как законодательства, так и правоприменительной деятельности в сфере изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела.

¹ Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов: постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

§2.1. Пределы полномочий должностных лиц при изъятии предметов и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении

Вопрос о границах компетенции должностных лиц, осуществляющих изъятие предметов и документов на этапе доследственной проверки, относится к числу наиболее запутанных и одновременно остро востребованных практикой. Действующая редакция части первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса предоставляет дознавателю, органу дознания, следователю и руководителю следственного органа право при проверке сообщения о преступлении истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом. Однако сама по себе эта формула, при всей её внешней определённости, оставляет без ответа целый ряд принципиальных вопросов, главный из которых сводится к тому, какой именно процессуальный инструментарий может быть задействован правоприменителем до того момента, как уголовное дело будет официально возбуждено.

Сложность проблемы во многом предопределена тем обстоятельством, что уголовно-процессуальный закон не содержит самостоятельного следственного действия под названием «изъятие». Для изъятия предметов Кодекс предусматривает специальные следственные действия — обыск и выемку, и именно это обстоятельство, по свидетельству специалистов, привело к тому, что в следственной практике стали распространёнными случаи производства обыска и выемки до возбуждения уголовного дела, а некоторые учёные даже подвели под такую практику теоретическую базу, ссылаясь на отсутствие в тексте закона прямого запрета на проведение следственных действий до формального начала расследования.

Между тем системное толкование уголовно-процессуальных норм не оставляет сомнений в том, что подобная практика вступает в прямое противоречие с действующим законодательством. В соответствии со статьёй

156 УПК РФ предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а в содержание расследования входит производство следственных действий. Из общего правила о недопустимости проведения следственных действий в ходе проверки сообщений о преступлениях статья 144 УПК РФ предусматривает лишь несколько исключений¹, и перечень этот носит закрытый характер: законодатель допустил производство экспертизы, осмотр места происшествия, осмотр документов и предметов, осмотр трупа и освидетельствование. Выемка и обыск в этот перечень не включены, и иное толкование закона, как справедливо отмечает К. Б. Калиновский, позволяло бы применять уголовно-процессуальные принудительные средства по «отказным материалам», то есть в случаях отсутствия признаков преступления, тем самым нарушая требования соразмерности ограничения прав граждан конституционно закреплённым целям и охраняемым интересам.²

Осмотр места происшествия, будучи едва ли не единственным следственным действием, чья допустимость на стадии доследственной проверки не вызывает споров ни в науке, ни в правоприменении, имеет, однако, строго очерченные законом цели. Согласно части первой статьи 176 УПК РФ, осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и для иных целей данный вид проверочного мероприятия не проводится.³ Сущность осмотра заключается в непосредственном визуальном восприятии следователем или дознавателем материальных объектов, имеющих значение для дела, с последующей фиксацией их признаков в

¹ Калиновский К.Б. «Доследственный» обыск — незаконное ноу-хау // Уголовный процесс. — 2015. — № 1. — С. 9.

² Там же.

³ О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. — URL: <http://taldom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

протоколе, без осуществления активных поисковых мероприятий, характерных для обыска.

Применительно к изъятию предметов в ходе осмотра места происшествия закон устанавливает дополнительное и весьма существенное ограничение. В силу частей второй и третьей статьи 177 УПК РФ осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия, а изъятие допускается лишь в случае, если для их осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднён. При этом изъятие предметов в рамках осмотра места происшествия не предполагает под собой произвольного определения их судьбы¹ должностным лицом: по смыслу части второй статьи 81 и части первой статьи 82 УПК РФ предметы могут быть признаны вещественными доказательствами лишь на стадии возбуждённого уголовного дела, а в случаях, когда осмотр изъятых вещей завершён, необходимость в их удержании, по смыслу требований части третьей статьи 177 УПК РФ, утрачивается.² Иными словами, изъятие в рамках осмотра места происшествия не только ограничено по целям и основаниям, но и не должно превращаться в инструмент длительного удержания имущества граждан без принятия процессуального решения о возбуждении дела.

Что касается выемки, то статья 183 УПК РФ, определяющая её основания и порядок, прямо указывает на то, что данное следственное действие производится при необходимости изъятия определённых предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся. Сама конструкция выемки, предполагающая целенаправленное изъятие заранее известных объектов, а

¹ О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. – URL: <http://taldom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

² О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. – URL: <http://taldom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

также возможность применения мер процессуального принуждения, не совместима с правовым режимом стадии доследственной проверки. Как недвусмысленно разъясняется правоприменительными органами, в силу части первой статьи 183 УПК РФ выемка предметов дознавателем возможна лишь в рамках возбуждённого уголовного дела. Обыск, регламентированный статьёй 182 УПК РФ, тем более не может производиться до возбуждения уголовного дела, поскольку его выраженный принудительный характер и необходимость получения судебного решения для проникновения в жилище предполагают наличие полноценного уголовно-процессуального производства с формально определённым процессуальным статусом всех вовлечённых в него лиц.

Однако практика, как это нередко случается, идёт своим путём, существенно расходясь с предписаниями закона. Наибольшую тревогу вызывает получившая широкое распространение подмена одних процессуальных действий другими, когда под видом осмотра места происшествия фактически производится обыск или выемка. В научной литературе это явление получило наименование «доследственного обыска» — незаконного, но, к сожалению, широко распространённого ноу-хау отечественной правоохранительной практики. Внешне всё выглядит безупречно: составляется протокол осмотра места происшествия, в котором фиксируется обнаружение и изъятие тех или иных предметов. Однако за этим фасадом скрываются действия, характерные именно для обыска: поиск предметов в закрытых хранилищах, вскрытие запертых дверей и ящиков, изъятие объектов, которые невозможно было бы обнаружить при простом визуальном наблюдении. Как образно выразился один из исследователей, в практико-ориентированной сфере сложились безграничные возможности расширительного толкования за счёт использования в механизме изъятия на стадии возбуждения уголовного дела процессуальных функций обыска и выемки, не требующих судебного разрешения.

Особую остроту данной проблеме придаёт то обстоятельство, что осмотр места происшествия, в отличие от обыска, не требует судебного разрешения¹ даже в тех случаях, когда он сопряжён с проникновением в жилище против воли проживающих в нём лиц. Часть пятая статьи 177 УПК РФ допускает производство осмотра жилища без судебного решения при согласии проживающих в нём лиц, а в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр может быть произведён на основании постановления следователя или дознавателя с последующим уведомлением суда. Данное различие в процессуальных режимах создаёт для недобросовестного правоприменителя соблазн обойти требование о судебном контроле, подменив обыск осмотром, что влечёт за собой не только нарушение процессуальной формы, но и ущемление конституционных прав граждан, гарантированных статьёй 25 Конституции Российской Федерации.

Пределы полномочий должностных лиц ограничены не только выбором допустимого процессуального инструментария, но и кругом тех объектов, которые могут быть изъяты на стадии доследственной проверки. Изъятие в рамках осмотра места происшествия должно ограничиваться предметами, которые имеют непосредственное отношение к проверяемому событию² и осмотр которых на месте затруднён или требует продолжительного времени. Однако на практике нередки случаи, когда в ходе осмотра места происшествия изымаются предметы в количестве, явно не соответствующем его целям — к примеру, значительные объёмы печатной продукции, компьютеры, ноутбуки, электронные накопители информации. В таких ситуациях, как отмечается в аналитических публикациях, следует ссылаться на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой изъятие обнаруженных в ходе осмотра места

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 518-О [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О пределах полномочий должностных лиц на изъятие вещей и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении // Прокуратура Талдомского района. – URL: <http://tal-dom-okrug.ru/bezopasnost-poleznaya-informatiya/prokuratura/19036/> (дата обращения: 01.05.2026).

происшествия следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, осмотр которых на месте затруднён или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения — обыск, выемку, наложение ареста на имущество.

Таким образом, подлинные границы полномочий должностных лиц на стадии доследственной проверки задаются не только прямыми предписаниями закона, но и вытекающими из его системного толкования запретами, главный из которых состоит в недопустимости подмены одних процессуальных действий другими. Осмотр места происшествия не может и не должен использоваться в качестве универсального инструмента изъятия, способного заменить собой и обыск, и выемку, и наложение ареста на имущество. Иное толкование, сколь бы удобным оно ни казалось с точки зрения оперативного собирания доказательственной информации, неизбежно вступает в противоречие с конституционным принципом соразмерности ограничения прав граждан охраняемым законом целям.

§2.2. Судебная практика и проблемы допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения уголовного дела

Вопрос о допустимости доказательств, полученных в ходе изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела, относится к числу тех, по которым правоприменительная практика демонстрирует едва ли не наибольший разброс подходов — от признания подобных материалов безусловно недопустимыми до их легализации со ссылкой на расширительное толкование части первой статьи 144 УПК РФ. Подобная

неопределённость, усугубляемая отсутствием в законе чётких процессуальных ориентиров, неизбежно переносит центр тяжести проблемы в судебную плоскость, где позиции высших судебных инстанций приобретают значение, далеко выходящее за рамки конкретных дел.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывался по вопросам, сопряжённым с толкованием положений статьи 144 УПК РФ, и его правовые позиции образуют своеобразный каркас, на котором должна строиться вся последующая правоприменительная деятельность. Одним из наиболее значимых в рассматриваемом контексте является Определение от 5 марта 2014 года № 518-О, в котором Суд сформулировал принципиальное ограничение: изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов, осмотр которых на месте затруднён или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и иные основания и условия проведения, — в частности, обыск, выемку, наложение ареста на имущество. Эта позиция, по существу, очерчивает внешние границы допустимого изъятия на стадии доследственной проверки, не позволяя правоприменителю использовать осмотр места происшествия в качестве универсального инструмента, заменяющего собой весь арсенал следственных действий.

Не менее важное значение имеет Определение Конституционного Суда от 22 декабря 2015 года № 2885-О, вынесенное по жалобе гражданки, которая оспаривала конституционность части первой статьи 144 УПК РФ. Заявительница полагала, что данная норма в силу своей неопределённости позволяет производить выемку предметов и документов в порядке статей 182 и 183 УПК РФ до принятия решения о возбуждении уголовного дела и использовать полученные таким образом предметы и документы в качестве доказательств. Как отмечается в научной литературе, сама постановка этого вопроса перед высшим органом конституционного контроля

свидетельствовала о том, что проблема перестала быть сугубо доктринальной и приобрела острое практическое звучание. И хотя Конституционный Суд не усмотрел в оспариваемой норме неопределённости, указав, что она не предполагает возможности производства обыска и выемки до возбуждения уголовного дела, сам факт обращения гражданина за защитой своих конституционных прав подтверждает, насколько далеко может заходить расширительное толкование закона на практике.

Между тем, как показывает анализ, проведённый специалистами, конституционализация процессуальной формы изъятия имущества в уголовном судопроизводстве остаётся незавершённой: Конституционный Суд играет ведущую роль в этом процессе, однако реакция законодателя запаздывает,¹ что негативно сказывается на регулировании соответствующих процессуальных отношений. Иными словами, высшая судебная инстанция последовательно формирует правовые ориентиры, призванные оградить граждан от произвольного вторжения в сферу их прав, однако законодатель не спешит облекать эти ориентиры в форму чётких нормативных предписаний, оставляя тем самым пространство для противоречивого толкования.

Обращаясь к практике кассационных судов общей юрисдикции, нельзя не заметить, что и здесь единообразие подходов остаётся скорее желаемым, нежели действительным. С одной стороны, в судебных актах прослеживается линия на признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением процессуальной формы на стадии доследственной проверки. В Обзоре практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми за 2024–2025 годы, подготовленном Федеральной палатой адвокатов, зафиксирован целый ряд позиций, имеющих

¹ Николук В.В., Пупышева Л.А. Изъятие предметов и документов в уголовном процессе как объект научного исследования: почему не сбылись прогнозы // Уголовный процесс. – 2025. – № 8. – С. 62–71.

непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме.¹ В частности, в обзоре указано, что недопустимыми признаются пояснения осуждённого, данные в отсутствие адвоката при проведении личного досмотра, а также протоколы допроса подозреваемого и обвиняемого, полученные до возбуждения уголовного дела.

Особого внимания заслуживает практика, связанная с оформлением так называемого акта личного досмотра вместо обыска. В тех случаях, когда фактически задержанное лицо уже является подозреваемым, однако в отношении него не возбуждено уголовное дело, сотрудники правоохранительных органов нередко прибегают к составлению протокола личного досмотра — документа, характерного скорее для административно-правовой, нежели для уголовно-процессуальной сферы. Как справедливо отмечается в правозащитной литературе, протокол личного досмотра гражданина не должен использоваться в процессе доказывания, если это лицо безоговорочно являлось подозреваемым на момент реализации оспариваемого действия и в его отношении необходимо было производить личный обыск задержанного в порядке статьи 184 УПК РФ. Подобная подмена процессуальных форм, по сути, лишает гражданина тех минимальных гарантий, которые закон предусматривает для производства обыска, — начиная от обязательного участия понятых и заканчивая правом на присутствие адвоката.

Вместе с тем судебная практика знает и примеры иного рода. Так, в Обзоре судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке статьи 125 УПК РФ, подготовленном членом Адвокатской палаты Ставропольского края, приводится

¹ Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (подготовлен Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, 2025) [Электронный ресурс]. — URL: <https://fparf.ru/practical-information/reviews/obzor-praktiki-ksoyu-o-priznanii-dokazatelstv-nedopustimymi-2025/> (дата обращения: 01.05.2026).

показательный случай.¹ Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что требования жалобы о признании незаконными действий должностных лиц по осмотру и изъятию предметов в ходе осмотра места происшествия не образуют предмета судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ. Однако кассационная инстанция с этим не согласилась, указав, что такой вывод является необоснованным, поскольку в ходе осмотра места происшествия были изъяты личные вещи и предметы, принадлежащие заявителю, часть которых не возвращена ему до настоящего времени, при этом он не является участником уголовного судопроизводства в рамках возбуждённого дела, а предварительное расследование приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Иными словами, кассационный суд признал, что отсутствие у лица формального процессуального статуса не может служить основанием для отказа в судебной защите его прав, нарушенных действиями по изъятию имущества.

Другой пример из того же обзора касается ситуации, когда постановление о возбуждении уголовного дела было признано судом незаконным, однако органы предварительного следствия, вопреки этому, продолжили расследование и даже выделили из данного дела материалы для проведения дальнейшей проверки в порядке статей 144 и 145 УПК РФ, а фактически — для возбуждения нового уголовного дела, в ходе которого выделенные доказательства становились бы легитимными. Кассационный суд признал подобные действия недопустимыми. Эта позиция принципиально важна, поскольку она пресекает попытки обойти запрет на использование незаконно полученных доказательств путём искусственного переформатирования процессуальных процедур.

¹ Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке статьи 125 УПК РФ (подготовлен Адвокатской палатой Ставропольского края) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ap-sk.ru/obzory/obzor-praktiki-ksoyu-po-st-125-upk-rf> (дата обращения: 01.05.2026).

Не менее существенной представляется и проблема, связанная с так называемой асимметрией правил допустимости доказательств. В уголовно-процессуальной доктрине под этим понимается ситуация, при которой правило о недопустимости доказательств применяется лишь к обвинительным доказательствам, тогда как оправдательные доказательства, даже полученные с нарушением закона, сторона защиты вправе использовать. Как отмечается в научной литературе, ряд авторитетных учёных, включая А. М. Ларина, Н. М. Кипниса, П. А. Лупинскую, С. А. Пашина, В. М. Савицкого, Ю. К. Орлова и И. Л. Петрухина, считают возможным использовать в целях защиты доказательства, признанные недопустимыми по ходатайству стороны защиты и, как правило, только те, которые получены с нарушением закона именно стороной обвинения. С. А. Пашин в этой связи подчёркивал, что обвиняемый не может нести ответственность за ошибки следователя, погубившего оправдательное доказательство.

Применительно к изъятию предметов и документов на стадии следственной проверки концепция асимметрии допустимости доказательств приобретает особое звучание. Если изъятие произведено с нарушениями процессуальной формы, однако изъятые объекты свидетельствуют в пользу подозреваемого или обвиняемого, возникает коллизия между формальным требованием признания таких доказательств недопустимыми и необходимостью обеспечения права на защиту. Действующий закон, однако, не содержит легальных оснований для применения асимметрии при оценке допустимости доказательств, что порождает дополнительные сложности в правоприменении.

Анализируя практику в целом, следует признать, что у судов до сих пор не сложилось единого подхода к разрешению споров о допустимости доказательств, полученных в ходе изъятия до возбуждения уголовного дела. В одних случаях суды исходят из того, что сами по себе действия по осмотру и изъятию предметов не образуют предмета судебного контроля в порядке

статьи 125 УПК РФ, что существенно ограничивает возможности заинтересованных лиц по защите своих прав. В других, напротив, кассационные инстанции признают такие действия подлежащими судебному обжалованию и оценивают их с точки зрения соблюдения процессуальной формы. Как представляется, преследуя цель легализации сведений, полученных в ходе доследственной проверки, законодатель породил дополнительные вопросы в правоприменении¹, и единого подхода нет ни среди правоохранителей, ни среди судов.

Особого упоминания заслуживает и проблема, связанная с упаковкой и хранением изъятых предметов, которая также влияет на оценку допустимости соответствующих доказательств. Как отмечается в аналитических обзорах, необходимость надлежащей упаковки предметов при их изъятии сохраняется как на стадии доследственной проверки, так и после возбуждения уголовного дела, и несоблюдение этого требования может повлечь признание полученных доказательств недопустимыми. Данное обстоятельство, казалось бы, очевидное с точки зрения элементарных правил работы с вещественными доказательствами, на практике, однако, нередко игнорируется, что создаёт дополнительные основания для оспаривания результатов изъятия стороной защиты.

Исходя из этого становится понятно, судебная практика по вопросам допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения уголовного дела, остаётся противоречивой и фрагментарной. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации задают общие ориентиры, очерчивая границы допустимого и предостерегая от подмены одних процессуальных действий другими, однако отсутствие детального законодательного регулирования и запаздывающая реакция законодателя на решения высших судебных инстанций создают почву для

¹ Лямин А.А. Использование в доказывании объяснений и иных сведений, полученных в ходе доследственной проверки. Практика кассационных судов // Уголовный процесс. – 2024. – № 7. – С. 44–51.

сохранения неопределённости. В этих условиях судьба конкретного доказательства, полученного на стадии доследственной проверки, во многом зависит от усмотрения конкретного судьи, что едва ли может быть признано удовлетворительным с точки зрения принципа равенства всех перед законом и судом. Проблема требует системного разрешения, и одним из возможных направлений такого разрешения могло бы стать законодательное закрепление чётких критериев допустимости доказательств, полученных в ходе изъятия до возбуждения уголовного дела, а также детальная регламентация самой процедуры изъятия, о чём более подробно пойдёт речь в следующем параграфе настоящей работы.

§2.3. Проблемы обеспечения прав и законных интересов граждан при изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела и пути совершенствования законодательства

Завершающий параграф настоящей главы обращён к тому, без чего любое процессуальное действие рискует превратиться в инструмент произвола, — к гарантиям прав личности. Изъятие предметов и документов на стадии доследственной проверки, будучи мерой, сопряжённой с вторжением в сферу охраняемых законом интересов, требует такого нормативного сопровождения, которое, с одной стороны, не парализовало бы усилий правоприменителя по собиранию доказательственной информации, а с другой — ставило бы надёжный заслон необоснованному ущемлению прав граждан и организаций.

Первое, на что следует обратить внимание, — это практически полное отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законе норм, адресованных лицу, у которого производится изъятие на этапе проверки сообщения о преступлении. Часть первая статьи 144 УПК РФ, перечисляя действия, доступные правоприменителю, обходит молчанием вопрос о том,

какими правами обладает владелец изымаемых предметов и документов, вправе ли он знакомиться с протоколом изъятия, получать его копию, приносить замечания, пользоваться помощью представителя. Получается парадоксальная с правовой точки зрения ситуация: закон предоставляет должностному лицу право вторгаться в имущественную сферу гражданина или юридического лица, однако не сопровождает это вторжение даже минимальным набором процессуальных гарантий для того, чьи интересы затрагиваются таким вторжением. Как справедливо отмечается в литературе, несмотря на вносимые в статью 144 УПК РФ изменения, коренные проблемы досудебного производства в этой части сохраняются, и правовая неопределённость, порождаемая лаконичностью законодательных формулировок, остаётся благодатной почвой для злоупотреблений.

Второй и, пожалуй, наиболее болезненный с практической точки зрения аспект — это судьба предметов и документов, которые были изъяты в ходе доследственной проверки, но впоследствии не получили статуса вещественных доказательств. Длительное, а подчас и неопределённо долгое удержание таких объектов у правоприменителя создаёт для их владельцев ситуацию правовой неопределённости, при которой формально законное изъятие трансформируется в фактическое лишение собственности без какого-либо процессуального решения. Действующая часть четвёртая статьи 81 УПК РФ устанавливает, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, с учётом требований статьи 6.1 УПК РФ о разумном сроке судопроизводства. Между тем практика демонстрирует, что одного этого предписания недостаточно: механизм возврата, сроки, основания и порядок обжалования бездействия должностных лиц длительное время оставались неурегулированными.

Определённым шагом вперёд стало утверждение Правительством Российской Федерации постановления от 28 сентября 2023 года № 1589, которым введены в действие Правила учёта и хранения изъятых в ходе

досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов. Данные правила распространили требования к условиям хранения, учёта и передачи вещественных доказательств также на изъятые сотрудниками правоохранительных органов предметы и арестованное имущество, а кроме того, установили, что имущество, которое не может содержаться при материалах проверки или уголовного дела, подлежит помещению в камеру хранения органов предварительного расследования либо передаче на ответственное хранение владельцу — в частности, когда речь идёт о больших партиях товаров. Вместе с тем, как показала судебная практика, и этот шаг не исчерпал всех проблем. Верховному Суду Российской Федерации уже довелось рассматривать дело об оспаривании отдельных положений указанных Правил, и хотя в удовлетворении административного иска было отказано, сам факт подобного обращения свидетельствует о сохраняющейся напряжённости в данной сфере.

Не менее остро стоит вопрос о защите сведений, составляющих коммерческую тайну, при производстве изъятия на этапе доследственной проверки. Действующее законодательство, регламентируя порядок выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, прямо предусматривает, что такая выемка производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке статьи 165 УПК РФ. Однако данная гарантия, установленная частью третьей статьи 183 УПК РФ, по существу, нейтрализуется тем обстоятельством, что выемка, как уже неоднократно отмечалось в настоящей работе, не может производиться до возбуждения уголовного дела. Обыск же, регламентированный статьёй 182 УПК РФ и нередко фактически подменяющий выемку на практике, не содержит требований о получении санкции суда для изъятия документов, составляющих коммерческую тайну. В результате, как справедливо указывается в правозащитной литературе,

документы и предметы, содержащие такие сведения, могут быть изъяты и приобщены к материалам уголовного дела в обход судебного контроля.¹

Сложившаяся коллизия порождает диаметрально противоположные подходы в правоприменительной практике. Одни суды признают незаконным изъятие документов, содержащих коммерческую тайну, без судебного решения, исходя из системного толкования нормативных правовых актов и аналогии с выемкой. Другие же отказывают в удовлетворении жалоб, ссылаясь на формальное отсутствие у организации утверждённого режима коммерческой тайны, даже если изъятая документация по своему содержанию очевидно относится к конфиденциальной деловой информации. В научной среде также отсутствует единство: ряд исследователей приходит к выводу, что изъятие документов и предметов, содержащих коммерческую или иную охраняемую законом тайну, должно осуществляться исключительно на основании судебного разрешения, тогда как их оппоненты полагают, что действующее регулирование не даёт оснований для столь расширительного толкования гарантий.

Отдельного упоминания заслуживает проблема изъятия предметов и документов у лиц, которые не являются подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу. В 2020 году Генеральная прокуратура, Следственный комитет, МВД, ФСБ и ФТС совместным документом «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля» сформулировали ряд значимых ограничений, адресованных правоприменителю. В частности, было указано на недопустимость изъятия оригиналов документов и носителей информации, касающихся хозяйственной деятельности, без необходимости их изучения в рамках доследственной проверки или возбуждённого уголовного дела, а также на запрет изъятия предметов и документов, относящихся к ведению хозяйственной деятельности и принадлежащих

¹ Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 44–50.

лицам, которые не являются подозреваемыми или обвиняемыми.¹ Эти положения, безусловно, отражают осознание проблемы на уровне правоприменительных ведомств, однако сами по себе они не восполняют пробелов законодательного регулирования и не создают полноценных процессуальных гарантий для затрагиваемых изъятием лиц.

В контексте сказанного закономерно встаёт вопрос о возможных направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать ряд предложений, реализация которых, на наш взгляд, способствовала бы укреплению гарантий прав граждан и организаций при производстве изъятия на стадии возбуждения уголовного дела.

Прежде всего, представляется настоятельно необходимым дополнить часть первую статьи 144 УПК РФ положением, прямо регламентирующим порядок фиксации результатов изъятия предметов и документов. В настоящее время процедура истребования и изъятия, а также порядок оформления её результатов не нашли отражения в уголовно-процессуальном законе², и вольное толкование соответствующих положений правоприменителем создаёт риски как для законности самих действий, так и для допустимости полученных доказательств. В науке предлагается предусмотреть составление протокола изъятия предметов и документов в соответствии с требованиями статей 164 и 166 УПК РФ, с обязательным предъявлением лицу, у которого производится изъятие, и вручением ему копии протокола. Такая мера, будучи минимальной по своему характеру,

¹ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и решений по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: указание Генеральной прокуратуры РФ № 275/36, Следственного комитета РФ № 1/206, МВД РФ № 2/5443, ФСБ РФ № 3/2-139, ФТС РФ № 01-14/13265 от 13 мая 2020 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пантелеева Н.В. Процессуальный порядок истребования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 174–179.

позволила бы, тем не менее, существенно повысить уровень правовой защищённости владельцев изымаемого имущества.

Не менее значимым шагом явилось бы законодательное закрепление права лица, у которого производится изъятие на стадии доследственной проверки, пользоваться помощью представителя и приносить замечания на протокол изъятия. Действующая редакция части 1.1 статьи 144 УПК РФ предусматривает разъяснение участникам проверки их прав и обязанностей, однако перечень этих прав остаётся открытым и, как следствие, необязательным для правоприменителя. Конкретизация правового статуса лица, затрагиваемого изъятием, стала бы важной гарантией против произвольного вторжения в сферу его законных интересов.

Кроме того, нуждается в совершенствовании и статья 183 УПК РФ, регламентирующая основания и порядок производства выемки. Как обоснованно отмечается в литературе, снятие неопределённости в формулировке части первой статьи 144 УПК РФ, допускающей изъятие предметов и документов на стадии проверки сообщения о преступлении, невозможно без корректировки смежных норм¹, и совершенствование статьи 183 УПК РФ в этом смысле является необходимым звеном общей законодательной конструкции. В частности, заслуживает обсуждения вопрос о возможности проведения выемки до возбуждения уголовного дела по судебному решению в тех случаях, когда промедление с изъятием может повлечь утрату или сокрытие предметов и документов, имеющих значение для дела.

Наконец, в целях обеспечения защиты сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, необходимо прямо закрепить в УПК РФ норму, в соответствии с которой изъятие документов и предметов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, в ходе доследственной проверки допускается исключительно на основании

¹ Костенко К.А., Авдеева Е.В. Осмотр и изъятие предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 196–200.

судебного решения. Системное толкование действующих нормативных правовых актов в их взаимосвязи уже сегодня указывает на необходимость такого судебного разрешения, однако отсутствие прямого законодательного предписания оставляет пространство для противоречивого толкования и, как следствие, для нарушений прав хозяйствующих субъектов.

Подводя итог рассмотрению проблем обеспечения прав и законных интересов граждан при изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела, следует признать, что действующее законодательство в этой части остаётся фрагментарным и не создаёт целостной системы процессуальных гарантий. Ситуация, при которой закон предоставляет правоприменителю право изымать предметы и документы, но умалчивает о правах лица, у которого они изымаются, едва ли может быть признана удовлетворительной с точки зрения конституционных принципов соразмерности ограничения прав и свобод граждан охраняемым законом целям. Представляется, что реализация сформулированных выше предложений, при всей их разнородности, могла бы стать шагом к построению более сбалансированной модели нормативного регулирования, в которой публичный интерес в эффективном собирании доказательственной информации не вступал бы в непримиримое противоречие с необходимостью защиты прав личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, отражающих основные результаты анализа правовой природы, нормативного регулирования и практики изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, а также наметить возможные направления совершенствования действующего законодательства.

Прежде всего, необходимо констатировать, что изъятие предметов и документов на этапе доследственной проверки не является самостоятельным следственным действием, а представляет собой процессуальный инструмент, вплетённый в ткань иных, прямо предусмотренных законом процедур — осмотра места происшествия, выемки и обыска. Данное обстоятельство, само по себе не вызывающее возражений с теоретической точки зрения, порождает, однако, серьёзные трудности в правоприменении, обусловленные отсутствием в Уголовно-процессуальном кодексе специальных норм, которые детально регламентировали бы основания, условия и порядок изъятия именно на стадии возбуждения уголовного дела. Указание законодателя на то, что изъятие должно производиться «в порядке, установленном настоящим Кодексом», при отсутствии самого этого порядка превращается, по существу, в бланкетную отсылку к несуществующим положениям, оставляя правоприменителя один на один с трудноразрешимой дилеммой между необходимостью собирания доказательственной информации и требованием соблюдения процессуальной формы.

Анализ эволюции нормативного регулирования показал, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство проделало путь от полного отсутствия возможности изъятия на стадии доследственной проверки — в период действия УПК РСФСР 1960 года — до её легализации Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ, дополнившим часть

первую статьи 144 УПК РФ соответствующим правомочием. Однако это законодательное решение, призванное разрешить назревшие практические проблемы, не сопровождалось созданием адекватных процессуальных механизмов, что привело к сохранению, а в ряде случаев и к усугублению существовавших противоречий.

Исследование действующего нормативного материала, образующего правовую основу изъятия на этапе проверки сообщения о преступлении, позволило выявить ряд существенных пробелов и коллизий. Ключевой из них состоит в том, что выемка и обыск — следственные действия, специально предназначенные для изъятия предметов и документов, — не могут производиться до возбуждения уголовного дела в силу системного толкования статей 144, 156, 182 и 183 УПК РФ. Осмотр места происшествия, допустимый на данной стадии, имеет строго очерченные законом цели и не предполагает осуществления поисковых мероприятий, характерных для обыска. Между тем на практике сложилась устойчивая тенденция к расширительному толкованию процессуальных функций осмотра места происшествия, используемого в качестве универсального инструмента изъятия, фактически подменяющего собой и выемку, и обыск, что не только противоречит закону, но и ущемляет конституционные права граждан.

Проведённый анализ судебной практики, включая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции, свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к оценке допустимости доказательств, полученных в результате изъятия до возбуждения уголовного дела. С одной стороны, высшие судебные инстанции последовательно проводят линию на недопустимость подмены одних процессуальных действий другими, указывая, что изъятие в ходе осмотра места происшествия не может заменять собой обыск, выемку или наложение ареста на имущество. С другой — в практике кассационных судов встречаются решения, в которых доказательства, полученные с очевидными отступлениями от процессуальной формы, включая оформление акта личного

досмотра вместо обыска, признаются допустимыми. Подобная противоречивость создаёт ситуацию правовой неопределённости, несовместимую с принципом равенства всех перед законом и судом.

Не менее значимой представляется проблема обеспечения прав и законных интересов лиц, у которых производится изъятие на стадии доследственной проверки. Действующее законодательство практически не наделяет таких лиц процессуальными гарантиями, не определяет их правовой статус и не устанавливает действенных механизмов возврата изъятых имущества, не признанного вещественными доказательствами. Хотя постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 года № 1589 и восполнило некоторые из существовавших пробелов в части учёта и хранения изъятых предметов, оно не решило проблему в целом, оставив без чёткой регламентации целый ряд вопросов — от порядка обжалования действий должностных лиц до защиты сведений, составляющих коммерческую и иную охраняемую законом тайну.

С учётом изложенного представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Во-первых, часть первую статьи 144 УПК РФ необходимо дополнить положением, прямо регламентирующим порядок фиксации результатов изъятия предметов и документов путём составления протокола в соответствии с требованиями статей 164 и 166 УПК РФ, с обязательным вручением копии такого протокола лицу, у которого производится изъятие. Во-вторых, следует законодательно закрепить право лица, затрагиваемого изъятием на стадии доследственной проверки, пользоваться помощью представителя и приносить замечания на протокол изъятия, что позволит обеспечить минимальный уровень процессуальных гарантий даже при отсутствии у такого лица формального статуса участника уголовного судопроизводства. В-третьих, нуждается в обсуждении и последующей законодательной проработке вопрос о возможности проведения выемки до возбуждения

уголовного дела — при условии получения судебного решения и лишь в тех исключительных случаях, когда промедление с изъятием может повлечь утрату или сокрытие предметов и документов, имеющих значение для дела. Наконец, в целях защиты сведений, составляющих коммерческую, налоговую, банковскую и иную охраняемую федеральным законом тайну, необходимо прямо закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе норму, в соответствии с которой изъятие документов и предметов, содержащих такую тайну, в ходе доследственной проверки допускается исключительно на основании судебного решения.

Реализация данных предложений, как представляется, позволила бы в определённой степени устранить существующие законодательные пробелы и коллизии, укрепить гарантии прав и законных интересов граждан и организаций при производстве изъятия на стадии возбуждения уголовного дела и в конечном счёте способствовать достижению того баланса между публичным интересом в эффективном собирании доказательств и необходимостью защиты прав личности, который составляет одну из фундаментальных основ современного уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О коммерческой тайне : [федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О Концепции судебной реформы в РСФСР : [постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44, ст. 1435.

5. О персональных данных : [федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и решений по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности : [указание Генеральной прокуратуры РФ № 275/36, Следственного комитета РФ № 1/206, МВД РФ № 2/5443, ФСБ РФ № 3/2-139, ФТС РФ № 01-14/13265 от 13 мая 2020 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов : [постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : [утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.] // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592.

Монографии, учебники, учебные пособия

10. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учебное пособие / Б.Т. Безлепкин. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 336 с.

11. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головкин (под ред.). – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2017. – 1280 с.

12. Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2018. – 832 с.

13. Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник для вузов / К.Б. Калиновский, А.В. Смирнов. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2020. – 784 с.

14. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – Москва: Юристъ, 1995. – 128 с.

15. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва: Проспект, 2017. – 1216 с.

16. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2010. – 344 с.

17. Ларин А.М. Доказывание на предварительном расследовании / А.М. Ларин. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 102 с.

18. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П.А. Лупинская. – Москва: Норма, 2006. – 238 с.
19. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Ю.К. Орлов. – Москва: Проспект, 2000. – 140 с.
20. Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе / С.А. Пашин. – Москва: Комплекс-Прогресс, 1999. – 104 с.
21. Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. – Москва: Наука, 1979. – 392 с.
22. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. – Москва: Наука, 1971. – 343 с.
23. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: КНОРУС, 2018. – 704 с.
24. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. – Самара: Самарский университет, 2004. – 228 с.

Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

25. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 52-61.
26. Головкин Л.В. Стадия возбуждения уголовного дела: реформа или упразднение? / Л.В. Головкин // Закон. – 2013. – № 10. – С. 96-107.
27. Железняк Н.С. О необходимости принятия нового закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н.С. Железняк // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (29 ноября 2012 г.). – Омск, 2012. – С. 36-42.

28. Калиновский К.Б. Изъятие предметов и документов до возбуждения уголовного дела: процессуальные проблемы / К.Б. Калиновский // Законность. – 2014. – № 5. – С. 41-45.

29. Качалова О.В. Процессуальные возможности собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2013. – № 12. – С. 22-27.

30. Маслов И.В. Изъятие предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела: процессуальный и криминалистический аспекты / И.В. Маслов // Современные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2018. – С. 73-78.

31. Парфенов А.В. Осмотр места происшествия или обыск? / А.В. Парфенов // Уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 54-59.

32. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы производства осмотра места происшествия и выемки / В.Ю. Стельмах // Российский следователь. – 2015. – № 2. – С. 10-14.

33. Стельмах В.Ю. Обыск и выемка: проблемы соотношения и разграничения / В.Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 157-164.

34. Францифоров Ю.В. Проблемы изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела / Ю.В. Францифоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 3 (38). – С. 129-133.

Авторефераты диссертаций и диссертации

35. Жидкова Е.И. Проверка сообщения о преступлении: процессуальные и организационные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.И. Жидкова. – Москва, 2010. – 26 с.

36. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы изъятия предметов и документов на стадии возбуждения

уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.В. Маслов. – Нижний Новгород, 2004. – 24 с.

37. Сазонова Т.П. Осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.П. Сазонова. – Краснодар, 2008. – 25 с.

Справочная литература

38. Белкин Р.С. Криминалистика: учебный словарь-справочник / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – Москва: Юристъ, 1999. – 268 с.

39. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1990. – 917 с.

Интернет-ресурсы

40. Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (подготовлен Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, 2025) – URL: <https://fparf.ru/practical-information/reviews/obzor-praktiki-ksoyu-o-priznanii-dokazatelstv-nedopustimymi-2025/> (дата обращения: 01.05.2026).

41. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке статьи 125 УПК РФ (подготовлен Адвокатской палатой Ставропольского края) – URL: <https://ap-sk.ru/obzory/obzor-praktiki-ksoyu-po-st-125-upk-rf> (дата обращения: 01.05.2026).

Материалы юридической практики

42. Апелляционное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2024 г. по делу № 22-789/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. Апелляционное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2024 г. № 22-456/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : [постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : [определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

46. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : [определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 518-О] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».